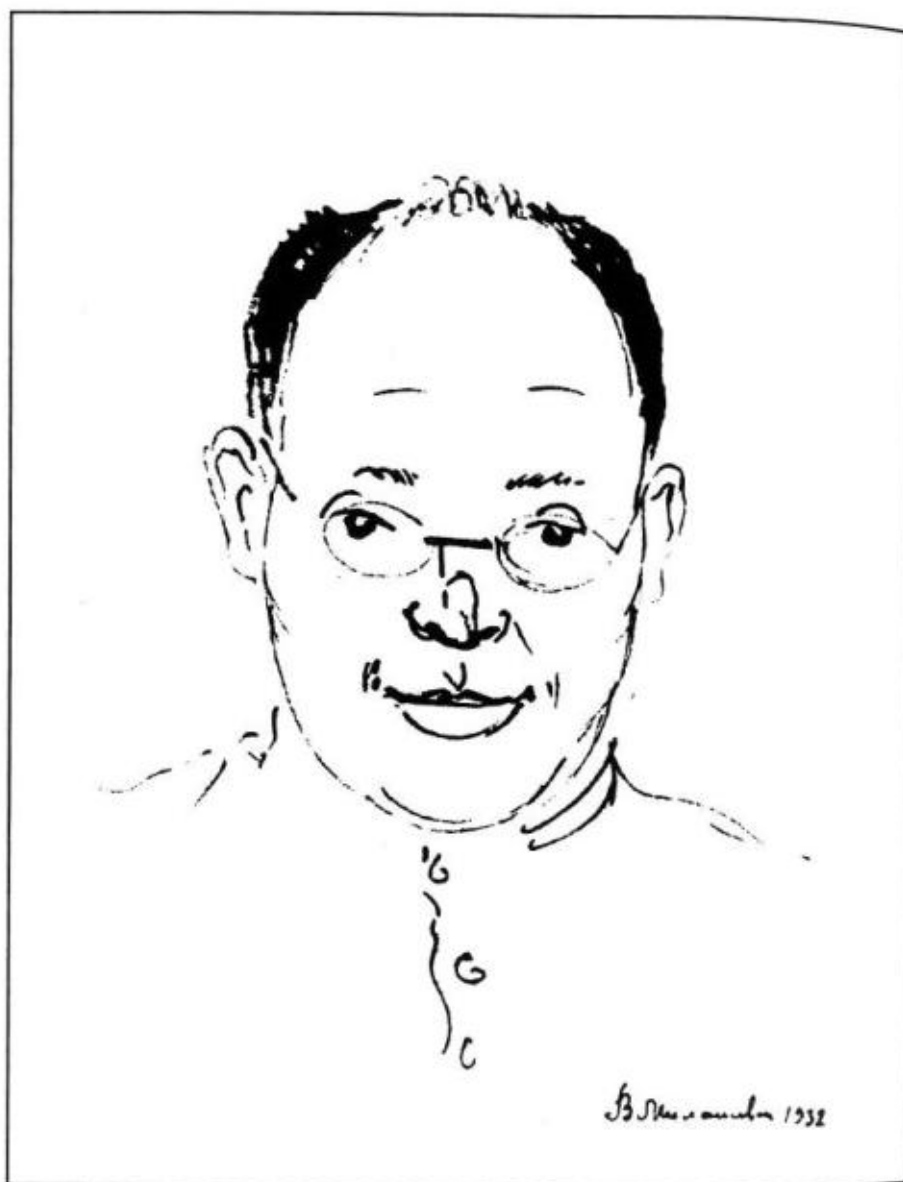

К ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ
ИСААКА БАБЕЛЯ *
—

Однажды Бабель сострил: "К числу разных видов обезлички относится и обезличка в отношении писательской биографии". Острота оказалась вещей: вокруг биографии Бабеля — жизненной и творческой — легенд хватает.

НАЧАЛО

К лету 1920 года, когда Бабель добровольцем пошел в Первую Конную, многое в революции было ему неясно - как человеку и как писателю. Революцию он, несомненно, принимает. Так же несомненно, однако, что не все в ней он понимает. Чтобы вникнуть в ситуацию, в которой оказался к этому времени Ба-бель, вернемся к началу его пути в литературу. В "Автобио-графии" Бабель помянул, что за свои первые рассказы, напечатанные в горьковской "Летописи" (1916), был привлечен к ответственности по ст. 1001 - за порнографию. На самом же де-ле, ему было предъявлено обвинение еще по двум статьям цар-ского свода законов - "кошунство и покушение на ниспровер-жение существующего строя" [1] . На этих рассказах, как и дру-гих произведениях Бабеля 1916 — 1919 годов, необходимо остановиться.

В этюде "Одесса" (1916) молодой Бабель задорно писал: "Если вдуматься, то не окажется ли, что в русской литературе еще не было настоящего радостного, ясного описания солн-ца?.. Первым человеком, заговорившим в русской книге о солнце, заговорившим восторженно и страстно, - был Горь-кий" [2] . Но сам-то Бабель пишет отнюдь не "о солнце". Он рас-сказывает истории о серой, грязной, "убыточной" (говоря че-ховским словечком) жизни, время которой, как он полагает, прошло. Рассказывает внешне спокойно (чувствуется влияние Чехова), точно, порой с едва заметным юмором, но всегда "холодно", без пафоса, экспрессии.

Наиболее значительны, - конечно, из произведений той по-ры, - рассказы "Мама, Римма и Алла" и "Элья Исаакович и Маргарита Прокофьевна". Еще до появления "Конармии" Ба-беля знают по этим выступлениям в горьковском журнале. Э.Герман (Эмиль Кроткий) сообщает Горькому 24 октября 1923 года, что в Москве Бабель, которого "Горький печатал в "Летописи" [3] . А.Н. Тихонов пишет Горькому 22 января 1924 года, что в редакции "Русского современника" есть рукописи "нескольких мелких рассказов Бабеля — старого знакомого" [4] , а 8 августа 1924 года — "из молодых

шибко идет вперед ста-рый знакомый Бабель"

[\[5\]](#)

В этих рассказах — ужас обыденщины, жизни мелкой, страшной именно тем, что ее бесчеловечность не замечается, поскольку она стала "нормой" ненормально устроенного общества. Впечатляет точность деталей, не всегда завершенная, но четкая графика характеров; не выраженная прямо, от авто-ра, однако ощутимая вера в то, что как ни бесчеловечны люди, в них можно воскресить человеческое. "...Люди добрые. Их научили думать, что они злые, они и поверили" [\[6\]](#), — так говорит один из бабелевских героев. Впрочем, мысль эта повисает в воздухе. Она — "удел" одиночек, ибо не поддержана общим соци-альным фоном рассказов. Так же "не стреляет" в рассуждениях о типах одесских рантье, фантазеров и маклеров, о песенках Изы Кремер и судьбе Уточкина бабелевская фраза: "...поодаль от ши-рокого моря дымят фабрики и делает свое обычное дело Карл Маркс" ("Одесса") [\[7\]](#).

Начинающий писатель не столько пытается проникнуть в сущность жизни, сколько демонстрирует умение схватить ее внешние черты. Вернее, очертания мелькающих людей — на-пример, посетителей редакции столичного журнала ("Де-вять") [\[8\]](#). Он даже не без позы воскликнет: "Для меня нет выс-шего наслаждения, чем бесстрастно следить за игрой страсти на лицах людей". А всех-то "страстей" — клиенты у "девицы" в публичном доме...

[\[9\]](#)

. Он верит, что люди, в сущности, добры. Но как сделать их добрыми в реальности?! И пока... пока он рисует даже не добрых и злых, а никчомушных. Не столько сущность человека и социальные обстоятельства, ее определя-ющие, сколько "ситуации".

Революция стала делом жизни Бабеля, его писательской судьбой. Вот почему совершенно новое, неожиданное качество появляется в его очерках 1918 года, печатавшихся на страни-цах газеты "Новая жизнь", — страстность. Страстность во всем— даже в ошибках.

В одном из очерков Бабель предупреждает: "Я не стану де-лать выводов" ("Вечер") [\[10\]](#). Но это не так. "Выводы" есть.

"Был завод, а в заводе — неправда. Однако в неправедные времена... корпуса

сотрясались гудящею дрожью работы. Пришла правда. Устроили ее плохо. Сталь померла. Людей стали рассчитывать... Покорные непреложному закону, рабочие люди бродят теперь по земле неведомо зачем, словно пыль, ничем не ценимая" ("Эвакуированные") [\[11\]](#). Политику, политическую борьбу, революционное насилие Бабель наивно противопоставляет социальным преобразованиям, которые и призваны дать счастье человеку. Он открыто ликует, когда в бывшем институте благородных девиц открывается Дворец материнства. Ликует не только потому, что советское государство берет на себя заботу о матери и ребенке, но и потому, что здание института "не отведено для комитетов по конфискации и реквизиции", что здесь "не слышны столь обычные слова об арестах". Как будто без "конфискаций и реквизиций" могли войти пролетарки и солдаты в эти просторные залы! А Бабелю сдается, что "настоящая" революция—именно в некоем социальном реформаторстве, которое чуть ли не исключает "жестокость" политики, вооруженной борьбы: "Вскинуть на плечо винтовку и стрелять друг в дружку — это, может быть, иногда бывает неглупо, но это еще не вся революция. Кто знает — может быть, это совсем не революция. Надобно хорошо рожать детей. И это — я знаю твердо — настоящая революция" ("Дворец материнства") [\[12\]](#).

Хрестоматийная — иначе не назовешь! — мелкобуржуазная иллюзия. Но как дорого платит за нее Бабель-художник. Стилевая сумятица его "новожизненных" работ, этой смеси ми-молетных "фиксаций" и путаной публицистики, — прямое следствие растерянности перед сложнейшими сплетениями новой жизни, которую не постичь "наложением" абстрактных схем. В рассказах Бабеля из "Летописи" боль за человека отнюдь не декларировалась. В этюдах 1918 года она декларируется навязчиво — и манерой повествования, и подбором "жалостных" ситуаций, и авторскими lamentациями. Эту боль можно понять, однако она то и дело вызывает чувство протеста. И не столько против самих по себе действительно отталкивающих явлений, сколько против... автора. Автора, который не видит ничего, кроме бесчисленных страданий. Порой он даже не хочет вникать в их причины: с него достаточно, что они есть. А ему, видите ли, хочется, чтоб в одно прекрасное утро они просто кончились.

Идейный тупик стал для Бабеля и тупиком художественным. После закрытия "Новой жизни" Бабель не пишет о революции (хотя и служит ей искренне и самоотверженно), ибо не в силах понять ее. Он "мало, но упорно" сочиняет в 1919 году, — "все одну и ту же повесть о двух китайцах в публичном доме", — вспоминал В.Шкловский [\[13\]](#).

Так появляется и цикл "На поле чести" ("На поле чести", "Дезертир", "Семейство папаши Мареско", "Квакер") [\[14\]](#) — о боях на полях Франции в мировую войну. Автор предупредил, что содержание рассказов "заимствовано из книг, написанных французскими солдатами и офицерами, участниками боев". Эта "заявка на

документальность" поддерживается и са-мим строем повествования, лишённого и тени патетики — даже патетики ужаса и страдания. Обвинительный акт империали-стической войне, ненавистной не только потому, что она фи-зически уничтожает людей, но и потому, что морально убивает человека, пробуждая в нем худшие инстинкты, оскверняя само понятие гуманности. Парадоксальны ее изломы — последний Дон Кихот, квакер Стон, гибнет из-за любви к лошадям, но что-то не видать Дон Кихотов, когда кругом гибнут люди... Для Бабеля ненавистна разрушительная стихия войны. Но здесь и намёка нет на возможность выхода из-под ее власти. Ужасна своей бесчеловечностью всякая война, война вообще. Физиологический эксцесс — фатальное порождение хаоса, вы-званного тем, что "человек убивает человека".

Вот такой Бабель и начал вести конармейский дневник.

* Первая публикация - в журнале "Вопросы литературы" (1964, № 4). Использованные в данной работе дневник Бабеля и подготовительные запи-си к "Конармии" в период работы автора над статьей хранились у вдовы писателя А.Н.Пирожковой, а отрывки из писем Бабеля - в личных архивах И.Л.Лившица и И.Л.Слонима. Все материалы печатались с разрешения владельцев. Письма к родным цитируются по изданию: Babel Isaak. Racconti proibiti e lettere intime / ed. G. Feltrinelli (Milano, 1961) в обратном переводе с итальянского. - Сост.

[1] Выступление на секретариате ФОСП 13 июля 1930 года // ИМЛИ. Ф. 86. Оп. 1. № 5

[2] Журнал журналов. 1916. №51. С. 5.

[3] Архив А.МГорького//КГП, 19-16-5.

[4] Там же. 76-1-21.

[5] Там же. 76-1-31.

[6] Бабель И. Эля Исаакович и Маргарша Прокофьевна // Летопись. 1916. № 11. С. 43.

[7] Журнал журналов. 1916. № 51. С. 4.

[8] Там же. №49.

[9] Там же. 1917. № 16.

[10] Новая жизнь. 1918. 21 (8) мая. № 85.

[11] Там же. 13 апр. (31 марта). № 66.

[12] Там же. 31(18) марта. № 56 (271).

[13] Лепф. 1924. №2(6). С. 153.

[14] Лава [Одесса]. 1920. №1. С. 10-13.